

И. А. ОЛЕСНИЦКИЙ

<Критика лютеранского учения о таинстве Евхаристии>

<Фрагменты>

ВВЕДЕНИЕ

Учение лютеранских символических книг* о Евхаристии едва ли не самый трудный для понимания лютеранский догмат. Причина этой трудности заключается в следующих обстоятельствах: 1) *В недостаточном выяснении учения о Евхаристии самими составителями символических книг, т. е. Лютером и Меланхтоном.* Учение о Евхаристии развивалось и формировалось в их сознании постепенно. Оно видоизменялось, благодаря многократным спорам на сеймах, собраниях и в частных беседах. Диалектическая ловкость представителей мелких протестантских общин, на которые сразу же разложился враждебный Риму лагерь, производила нередко глубокое влияние на веросознание Лютера и Меланхтона вообще, и в частности произвела неясность и туманность в представлении их о таинстве Евхаристии. Лишь около 1530 г., т. е. года появления «Аугсбургского исповедания» и его «Апологии», взгляд на это таинство начал несколько определяться. Но и после того оставалось

---

* Символами называются религиозно-догматические формулы, в которых какое-либо церковное общество выражает свое верование; символические книги — это те письменные документы, на основании которых оно отличает себя от всех других церковных обществ. Значение символов у лютеран имеют: 1) «Аугсбургское исповедание» (*Confessio augustana*, составлено в 1530 г.); 2) «Апология Аугсбургского исповедания» (*Apologia confessionis augustanae* — 1530 г.); 3) «Шмалькальденские члены» (*Articuli smalcaldici* — 1536 г.); 4) «Малый и Большой катехизисы» Лютера (*Lutheri Minor et Major catechismi* — 1529 г.); 5) «Формула согласия» (*Formula concordiae* — 1580 г.). Лютеранские символы изданы первый раз в одном сборнике в 1580 г. Из новейших изданий этих сборников известны: Вебера, Газе и Титмана. В своем сочинении мы пользовались изданием последнего (1817 г.).

немало места для сомнений и колебаний. «Можно, — говорит Франк, — признать за исторический факт, что Меланхтон никогда в своей жизни не доходил до полной ясности и уверенности в учении своем о таинстве Евхаристии»*. 2) В разногласии учения Лютера и Меланхтона о Евхаристии. У Меланхтона заметно стремление развить учение об этом таинстве с большею логическою последовательностью, чем с какою развивает его Лютер; он старается тщательнее приладить его к общему взгляду на таинства, хотя, впрочем, мало успевает в этом. Меланхтон с горестью наблюдал бесконечные споры и разделения между самими протестантами. Он понимал, что успех новых идей будет значительно слабее, если произойдет открытый разлад между ним и Лютером. Поэтому он не решался выступать с возражением против привнесения Лютером в учение о Евхаристии элемента, несогласного с их общим взглядом на таинства, и, насколько возможно, проводил свои мысли, прикрывая их выражениями Лютеровыми**; вследствие чего под Лютеровыми фразами очень часто нужно усматривать в лютеранских Символах Меланхтонову мысль. Меланхтон часто жалуется на «тяжкое горе, носимое им в сердце своем» еще с 20-х годов (XVI в.), т. е. с начала споров о таинствах***. Это горе производили прежде всего постоянные раздоры среди протестантских общин, а затем — и личный разлад Меланхтона с Лютером и невозможность открыто высказать и формулировать свои взгляды, исключительно по своему убеждению. С 1529 года Меланхтон с затаенным неудовольствием соглашается, по-видимому, со взглядами Лютера на таинство Евхаристии и приглашает все лютеранское общество согласиться с ними****. Но заявленное им согласие с Лютером больше мотивируется, как нам кажется, сознанием вреда всякого разлада для распространения новых идей и необходимостью единодушной деятельности, чем переменою убеждений его. В современной немецкой богословской литературе можно встретить мнение, что разлад между Лютером и Меланхтоном был весьма незначителен, — настолько незначителен, что его не заметили даже те лица, которых личный интерес требовал не мира, а споров и разделений*****. С этим мнением мы не можем согласиться.

---

* *Frank*. Die Theologie der Concordienformel. S. 7; см., еще с. 20–23, 25 и друг.

** *Ibid.* S. 5, 43.

*** *Ibid.* S. 9.

**** *Ibid.* S. 13.

***** *Ibid.* S. 4.

Оно может возникнуть лишь при поверхностном чтении текста символических книг, в которых мысли Меланхтона, как мы сказали, прикрыты и не выяснены. 3) *В невыдержанности протестантского принципа в отношении к учению о Евхаристии.* Учение о Евхаристии Меланхтона, а тем более Лютера, не выводится с логической необходимостью ни из общих начал проповедуемого ими вероучения, ни из установленного ими взгляда на таинства вообще. С последним взглядом учение о Евхаристии находится даже в прямом противоречии. Если таинства не сообщают человеку, с точки зрения лютеран, никакой благодати, а даны только для поддержания, освежения и возбуждения веры, то нет никакой необходимости настаивать на действительном присутствии в Евхаристии тела и крови Иисуса Христа, — что, однако, делают лютеранские символы. 4) *В политическом влиянии на развитие и распространение новых религиозных идей в Германии.* Император Карл V подозрительно и с неудовольствием относился к образованию новой религиозной общины, враждебной Риму. Хотя он и не употреблял против религиозных новаторов военной силы, но производил влиянием своим довольно сильное давление на лютеранство, требуя соединения его с Римско-католическою церковью. Это обстоятельство служило отчасти причиною того, что Лютер и Меланхтон, по крайней мере официально, не всегда соблюдали оппозиционное отношение к Риму и Швейцарии, с которыми главным образом вели борьбу. Ради соединения с противниками они нередко смягчали свое разногласие с ними, и в определении сущности Евхаристии иногда употребляли выражения более или менее близкие к учению об этом предмете Римской церкви и швейцарского реформатства*. Но когда надежда на примирение оказывалась тщетною, тогда Лютер и его сторонники в резких и сильных выражениях нападали на противников и обличали их. Эта невыдержанность, эта неровность отношений к противникам также скрадывает отчасти и затемняет истинный смысл лютеранского учения о таинстве Евхаристии.

Таковы главные причины, затрудняющие исследование и решение вопроса о таинстве Евхаристии по лютеранским символическим книгам. Уже первым последователям лютеранства учение о Евхаристии представлялось слишком туманным и неясным; не вполне выяснено оно и современною немецкою богословскою наукою, несмотря на серьезные попытки, направленные к выяснению этого

---

* Frank. S. 19. 27.

предмета. В недостатке этом сознаются лучшие представители западной богословской литературы. Например, Август Эбхард, известный главным образом трудами по исследованию учения о Евхаристии, пишет: «вспомним, что историческое развитие учения о Евхаристии в настоящее время еще не доведено до конца. Вполне определившегося догмата о святом таинстве причащения, который, в свою очередь, осветил бы ясным светом историю своего развития, не существует еще»*.

Между тем правильное раскрытие символического учения лютеран о Евхаристии для науки православного богословия и для православного веросознания дело далеко не безразличное, каковы бы ни были его трудности. Лютеранские богословы на свое учение о Евхаристии смотрят как на восстановление откровенного и древне-церковного учения о сем таинстве, которое искажено-де было постепенно образовавшимся в церкви учением о пресуществлении и другими пунктами, не данными в Евангелии и в памятниках древне-отеческой письменности**.

<КРИТИКА ЛЮТЕРАНСКОГО УЧЕНИЯ О ЕВХАРИСТИИ>

<...>

И Свящ. Писание, как Ветхого, так и Нового Завета, и вся Церковь свидетельствуют о Евхаристии, как истинной и чистой новозаветной *жертве*, заменившей собою древнееврейские кровавые жертвы. Если так учит Откровение — единственный авторитет в глазах лютеран, — так учит и вся Церковь, то какое основание, какое право можно иметь для того, чтобы отвергать это божественное и вековое учение и проповедовать новое учение, новые взгляды на святейшее таинство? Однако лютеране решились наложить святотатственную руку на Богооткровенное и церковное учение. Что же они могут сказать против столь многочисленных свидетельств, говорящих о евхаристической жертве?

Истолковывать каждое свидетельство, применяя его к своему учению, они не могут; эти свидетельства в большинстве случаев слишком ясны и определены; они слишком точно указывают смысл названия Евхаристии жертвой. Поэтому единственное, что остается им сделать, это отделаться общими отговорками. Именно,

---

* Das Dogma vom heil. Abendmahl, 1845. В. I. S. 213.

** Neudecker. Vom Sacrament der Dancksagung. S. 108.

в чинопоследованиях литургий они видят живой и картинный восточный язык, исполненный образов; другие многочисленные свидетельства св. отцов о евхаристической жертве отвергают, не признавая за св. отцами и учителями Церкви никакого авторитета, утверждая, что они и сами заблуждались, ошибочно признавая Евхаристию не таинством только, но и жертвой, и всю Церковь вводили в заблуждение*. На их взгляд, ошибались все лучшие представители Церкви Христовой, ошибалась вся Церковь, лелея заблуждение в течение многих веков для того, чтобы Лютеру предоставить счастливую долю быть разоблачителем векового заблуждения и установителем истинного взгляда на Евхаристию!

Но... мысли св. отцов и учителей Церкви об этом предмете не ими самими измышлены; они переданы им Самим Иисусом Христом и св. апостолами и существовали даже в ветхозаветное время, за долго до установления Евхаристии. А если так, то мы должны считать св. отцов и учителей Церкви не извратителями Богооткровенного учения, а толкователями оногo. Эти толкователи развили и уяснили нам Богооткровенные истины, а это обязывает нас не к неблагодарному отрицанию за ними всякого авторитета, а напротив — к самому глубокому благоговению к ним и благодарению. Слишком смело, дерзко и кощунственно налагать святотатственную руку на вековое верование Церкви, которое она приняла от Иисуса Христа и его апостолов и заботливо охраняла многие века, как дорогую святыню.

В заключение укажем на то, что лютеране, отрицая евхаристическую жертву, впадают в некоторые несообразности и противоречия. Обратимся к существенному пункту лютеранского учения о Евхаристии, именно — к учению о реальном присутствии в сем таинстве тела Иисуса Христа. Это — главная мысль лютеранского учения о Евхаристии; все сводится к этой мысли, — все служит для ее оправдания и защиты. Спросим еще раз: для какой цели служит присутствие в Евхаристии тела Христа Спасителя? для какой цели это присутствие так энергично защищается лютеранами? Тело Христово, отвечают лютеранские символические книги, присутствует здесь не для того, чтобы быть жертвенным Агнцем, подающим нам прощение грехов; не для того также оно присутствует здесь, чтобы вкушение его могло подавать нам нравственное очищение и чрез то делать нас достойными вечной жизни, как об этом гово-

---

* *Hetzer. Vom Sacrament. S. 143.*

рят слова Спасителя нашего: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день* (Ин. 6: 56); нет, оно присутствует здесь только для уверения нас в действительности нашего искупления смертью Иисуса Христа. Это уверение укрепляет нашу веру, которая одна усваивает нам заслуги этой смерти, подает утешение и успокоение нашей тревожной совести, которая естественно успокаивается при уверении в том, что искупление уже совершено, и вечная гибель за гробом не есть неизбежная участь человека. Тело Иисуса Христа является знаком, залогом искупления; оно свидетельствует своим присутствием о совершённом искуплении. Но достаточно ли признавать таковое значение за телом Иисуса Христа в Евхаристии? Достаточно ли сказать, что оно присутствует здесь только для того, чтобы убедить нас в совершённом искуплении, подтвердить слова Иисуса Христа, касающиеся нашего спасения, утешить и успокоить нас? Нет, это слишком малое и ничтожное значение. Если вера может зародиться в человеке помимо Евхаристии, помимо присутствия тела Христа Спасителя (для достойного вкушения тела Христова уже требуется вера), благодаря лишь проповеди Евангелия, то тем более этим же средством, т. е. проповедью Евангелия, главным же образом евхаристическими словами Иисуса Христа, представляющими сущность всего Евангелия, она может возгреваться и укрепляться. Слово Евангелия может и успокаивать совесть человека.

Но нужно сказать еще нечто более. Нужно сказать, что присутствующее в Евхаристии тело Иисуса Христа не может служить и той ничтожной цели, какую указывают ему лютеране. Будучи недоступно для наших внешних чувств, оно не может возбуждать нашей веры, так как само требует веры в реальность своего присутствия, — не может, как невидимое, ничего сказать нам для утешения и успокоения нашего. Только посредством слова мы уверяемся в реальном присутствии и вкушении в Евхаристии тела Иисуса Христа. Но почему же это слово не может прямо уверить нас в реальности совершённого искупления? Насколько оно может уверить нас в реальности присутствия и вкушения в Евхаристии тела Иисуса Христа, настолько же оно может непосредственно уверить нас и в нашем искуплении; и нет никакой необходимости этому слову производить присутствие тела Христова, уверять нас в его присутствии, и этим только путем доставлять уверенность в нашем искуплении. Ведь уверенность в искуплении (и соединенное с ней прощение грехов) все же, наконец, всецело принадлежит евхаристическим словам, а не телу Христову.

Таким образом, при отрицании пресуществления и признания за Евхаристией значения жертвы присутствие тела Иисуса Христа в Евхаристии, столь энергично защищаемое лютеранами, является совершенно *бесцельным* и *бесплодным*. Оно ничего не дает человеку ни непосредственно, ни посредством веры, к которой оно, как невидимое и таинственно присутствующее, не может иметь прямого и действительного отношения. Гораздо больше значения может иметь для возбуждения веры внешняя, обрядовая сторона таинства, которая, как доступная внешним чувствам, может производить на нас некоторое впечатление и может некоторым образом возбуждать воспоминание смерти Иисуса Христа и веру в ее спасительное значение для нас, подобно тому, как производит на нас действие картина или театральная сцена*.

Раньше мы видели, что лютеранство, настойчиво требующее буквального понимания евхаристических слов Иисуса Христа, делает это совершенно напрасно, потому что такое понимание не согласуется с его учением о Евхаристии; теперь же мы видим, что и связанная с своеобразным пониманием слов установления Евхаристии главная лютеранская мысль учения о сем таинстве, — мысль о реальном присутствии в Евхаристии тела Христа Спасителя, при отрицании евхаристической жертвы, является опять совершенно бесцельною и излишнею. А между тем из этих пунктов, т. е. из изъяснения евхаристических слов Иисуса Христа, связанного с ним признания присутствия тела Христова в Евхаристии и отрицании евхаристической жертвы, и состоит все лютеранское учение о Евхаристии.

Лютеранское учение о Евхаристии представляет нам пример раскрытия догмата без руководства преданием и святоотеческими мнениями, а потому исполненного заблуждений и противоречий.

---

* Гораздо логичнее развивают свое учение цвинглиане, которые, отвергнув пресуществление и вообще всякое реальное присутствие тела Христова в Евхаристии, усваивают значение исключительно обрядовой стороне таинства, напоминающей нам крестную искупительную жертву и возносящей наш ум и сердце горе.